

Глава 24

Обезумев от ярости, Юй Цзыи схватил меч Ветра и Инея и ринулся на них в атаку.

Чжун Ли молниеносно открыл свой Мешок сокровищ, выхватил тяжелый клинок из темного железа и встретил им яростный выпад противника.

Металл со скрежетом столкнулся с металлом. Оглушительный визг заставил Цзянь Цзяня зажмуриться, а вспышка высеченных искр на мгновение затмила тусклое пламя свечи.

В то же мгновение Юй Цзыи отбросило назад. Меч Ветра и Инея со звоном рухнул на каменный пол и еще долго вибрировал, оглашая комнату жалобным звоном, прежде чем окончательно затихнуть.

Чжун Ли застыл на одном колене. Он даже не сменил боевую стойку, лишь холодно, с нескрываемым презрением смерил взглядом поверженного врага.

Цзянь Цзянь бережно баюкал раненую голову Хуа Тяня, боясь шелохнуться. Тот Чжун Ли, которого он видел сейчас перед собой, не имел ничего общего с прежним добродушным великаном.

От воина исходила пугающая, зловещая аура, а его клинок слабо мерцал в полумраке. В зеркальном лезвии отражались глубокие, темные глаза Чжун Ли — холодные и бездонные, словно лесной омут.

Скользнув испуганным взглядом по Мешку сокровищ, Цзянь Цзянь заметил торчащие из него рукояти еще двух клинков: одну — багровую, другую — цвета глубокой лазури.

Юноша неверяще потер глаза, решив, что ему померещилось, но нет: оба оружия мелко, нетерпеливо дрожали в Мешке сокровищ, словно рвущиеся в бой верные гвардейцы, которые ждали лишь приказа своего полководца.

Видя, что Чжун Ли уже вступил в бой, Лань Цзыцзюнь посерьезнел и решил прекратить это зрелище. Он негромко скомандовал:

— Вяжи.

Сверкнув в воздухе, откуда-то сверху пала цепь пленения бессмертных и намертво скрутила распростертого на полу Юй Цзыи.

Покончив с этим, Лань Цзыцзюнь подошел ближе и похлопал Чжун Ли по плечу.

Тяжелая аура воина мгновенно рассеялась. Чжун Ли вернул себе прежний простодушный вид и добродушно ухмыльнулся:

— Да ладно тебе, всё в порядке.

Спрятав клинок, он вспомнил о раненом Хуа Тяне и обеспокоенно обернулся.

Цзянь Цзянь поспешно справился с испугом и опустил голову, бережно касаясь раны на шее Хуа Тяня, лишь бы не встретиться со спасителем взглядом.

Это мимолетное замешательство не укрылось от Чжун Ли. Он занес было руку, чтобы помочь, но так и замер на полпути. Тихонько вздохнув, он поднялся на ноги и зашагал к связанному Юй Цзыи.

Один корчился от боли, другой дрожал от страха, третий оставался настороже — и вся эта кутерьма заварилась лишь потому, что Лань Цзыцзюнь так некстати толкнул Хуа Тяня под удар.

— Перетащи его туда, — скомандовал Лань Цзыцзюнь, небрежно указав на Хуа Тяня.

Опасаясь причинить раненому еще большую боль, Цзянь Цзянь обхватил его за пояс и попытался оттащить в сторону. Но сил юноше явно не хватало: сделав всего пару шагов, он тяжело задышал. Стиснув зубы, покрасневшись от натуги, он упрямо не выпускал Хуа Тяня из рук, продвигаясь вперед со скоростью черепахи.

В конце концов они оказались неподалеку от бесчувственного пленника. Чжун Ли, делая вид, будто страшно занят осмотром Юй Цзыи, растерянно вертел его руку из стороны в сторону. На самом деле он давно закончил проверку, но из-за неловкости перед Цзянь Цзянем продолжал сосредоточенно щупать запястье несчастного, даже не пытаясь нащупать настоящий пульс.

— Чжун Ли, помоги, пожалуйста, — взмолился наконец Цзянь Цзянь, приблизившись к нему.

От неожиданности богатырь вздрогнул, нелепо покачнулся и глуповато уставился на юношу.

— Сил больше нет... Помоги же, — выдохнул тот. Руки его дрогнули, и Хуа Тянь едва не соскользнул на землю.

Чжун Ли мгновенно перехватил раненого и без малейших усилий, одной рукой перенес его на ровное место у стены.

С облегчением вздохнув, Цзянь Цзянь опустился рядом на колени и принялся бережно поправлять на господине одежды.

Чжун Ли помялся, подбирая слова, но тут его окликнул Лань Цзыцзюнь:

— Тащи этого покойника сюда.

Оставив попытки заговорить, Чжун Ли взвалил пленника на плечо, отволол к Лань Цзыцзюню, и они оба принялись терпеливо ждать, пока тот придет в себя.

Небо на востоке медленно наливалось бледной, сероватой синевой рассвета. Пламя свечи исходило последними слабыми искрами.

Призрачные огни ярче всего горят в глухой ночи, но с первыми лучами солнца они блекнут и неизбежно гаснут. Так и это пламя должно было вот-вот угаснуть насовсем.

Хуа Тянь с трудом разомкнул веки. Глаза резануло от слабого утреннего света, зрение затуманилось, и первым, что он сумел разглядеть, была легкая черная вуаль на лице склонившегося над ним Цзянь Цзяня.

Каждое сочленение отзывалось тупой, ноющей болью. С трудом совладав с непослушным телом, Хуа Тянь медленно приподнял руку и осторожно потянул за край вуали, обнажая лицо юноши. Никакие белила и румяна не могли скрыть темных теней под его глазами. Кончики пальцев коснулись нежной кожи. Цзянь Цзянь часто моргал, вздрагивая длинными, как крылья бабочки, ресницами. Взгляд его, влажный от усталости и пережитых волнений, напоминал тронутый утренней росой бутон персика.

— Господин, вы очнулись! — Цзянь Цзянь бережно приобнял его за спину, пытаясь помочь сесть.

— Очей очарование... — прошептал Хуа Тянь и, даже не думая подниматься, поудобнее устроился на его коленях. Вторую половину фразы он озвучить так и не решился.

«Взгляд твой ясен, да сердце крадет».

Юноша густо покраснел и поспешно набросил вуаль обратно на лицо, пряча смущение.

— Господин, вас ждут... Нужно разобраться с делом.

Только тут до Хуа Тяня дошло, зачем они вообще здесь собрались. Кряхтя от боли во всем теле, он нехотя заставил себя принять вертикальное положение.

— О, наш великий соблазнитель соизволил явить себя миру? — хмыкнул Лань Цзыцзюнь.

Комнатка была крошечной, так что воркование Хуа Тяня утаить от чужих ушей не удалось при всем желании.

Стоявший поодаль Чжун Ли поспешно прикрыл рот ладонью, беззвучно хихикая и многозначительно подмигивая приятелю.

Хуа Тянь слегка смутился. Боль отпустила, на душе потеплело от близости Цзянь Цзяня, и он совсем позабыл, что они вообще-то расследуют преступление в поместье Юй.

Попытавшись вернуть себе деловой настрой, он перевел взгляд на пленника:

— Ну и как он?

Хуа Тянь с раздражением уставился на распластанного по полу Юй Цзыи, который выглядел так, словно страдал больше всех на свете.

«Вчера голову оттяпали мне, а развалился с удобствами ты!»

— А ну-ка, иди сюда, — Лань Цзыцзюнь поманил его пальцем.

Решив, что напарник наткнулся на важную зацепку, Хуа Тянь поспешно подковылял поближе.

— Что стряслось? Нашел что-то?

Вместо ответа Лань Цзыцзюнь бесцеремонно схватил его за воротник и ткнул лицом прямо к Юй Цзыи — в точности так же, как и прошлой ночью.

Увидев перед собой бледное лицо несостоявшегося убийцы, Хуа Тянь испуганно задержался. Воспоминание о том, как этот безумец хладнокровно перерезал ему горло несколько часов назад, все еще бросало в дрожь.

Притворявшийся бревном Юй Цзыи среагировал мгновенно. Он резко распахнул глаза и вскинул голову, едва не столкнувшись лбом с перепуганным Хуа Тянем.

— Ну наконец-то очнулся, — Лань Цзыцзюнь милостиво оттащил напарника за воротник назад.

Этот хитрец давно пришел в себя и сквозь полуприкрытые веки следил за каждым шагом Хуа Тяня. Лань Цзыцзюнь с Чжун Ли сразу разгадали этот дешевый трюк, но решили не мешать представлению, желая выяснить, что замышляет их пленник.

— Это Ма Юэ вас подослал? — хрипло спросил Юй Цзыи.

От этого вопроса все четверо так и застыли в недоумении. С чего вдруг всплыло это имя? Ма Юэ ведь бесследно исчез целых три года назад.

— Нет, — отрезал Лань Цзыцзюнь. Но оставаться в долгу он не собирался, а потому сразу перешел к делу: — Будем справедливы: на твой вопрос я ответил. Теперь мой черед.

— А для вящей справедливости не мешало бы сначала развязать меня, — Юй Цзыи дернул плечом, безмолвно указывая на тугие путы.

Быстро взвесив все за и против, Лань Цзыцзюнь негромко приказал:

— Снимись.

Тяжелые звенья цепи пленения бессмертных безвольно опали, соскользнули с его плеч и змеей уползли за порог, растаяв в утреннем воздухе.

— Выкладывай: зачем ты пленил душу Юйяо? — без обиняков спросил заклинатель.

Вопрос явно застал Юй Цзыи врасплох. Он настороженно сощурился, переводя взгляд с Лань Цзыцзюня на остальных участников допроса. Один владеет темными техниками души, второй восстает из мертвых, как ни в чем не бывало, третий орудует клинком быстрее мысли, а четвертый прячет лицо за плотной вуалью...

Эта компания определенно была непростой.

«Кто они такие, черт возьми?»

Проигнорировав выпад, юноша процедил сквозь зубы:

— Да кто вы такие?

— Сначала ты ответишь мне, а уже потом получишь право совать свой нос в наши дела, — в голосе Лань Цзыцзюня послышалась угроза. Не захочет говорить добром — у него в запасе найдется сотня способов развязать упрямцу язык.

Поняв, что торговаться бесполезно, Юй Цзыи неохотно опустился на табурет. Спокойно, словно никуда не торопясь, налил себе чаю из остывшего чайника и ровно произнес:

— Никаких душ я не удерживал.

— Да не ври ты! — вспыхнул Хуа Тянь. — А в позапрошлую ночь на окраине города? Чьих рук

дело было с тем нищим у дороги?

— Твой напарник спросил — я ответил, лимит исчерпан, — Юй Цзыи даже не взглянул на Лань Цзыцзюня. Теперь все его внимание без остатка принадлежало Хуа Тяню. — Теперь спрашиваю я: как тебе удалось выжить после того, как я перерезал тебе глотку?

— А я и не умирал, — ухмыльнулся Хуа Тянь, возвращая ему его же монету.

— Если мы продолжим этот детский лепет, то застрянем тут до следующего полнолуния, — вмешался Лань Цзыцзюнь. — Сделаем так: ты честно и без утайки ответишь на несколько моих вопросов. А взамен этот парень выложит тебе всё о своем секрете бессмертия.

С этими словами он бесцеремонно ткнул пальцем в сторону Хуа Тяня. Было очевидно, что Юй Цзыи одержим идеей воскрешения и пойдет на всё ради этой тайны, так почему бы не использовать незадачливого Хуа Тяня как наживку?

— Эй, с какого это перепугу... — возмутился было Хуа Тянь.

Но договорить ему не дали: Лань Цзыцзюнь со всей силы наступил ему на ногу, заставив подавиться собственным криком.

Тихо взыв, Хуа Тянь плюхнулся на пол и принялся ожесточенно тереть пострадавшую конечность, мысленно прикидывая, какую небылицу сочинить для этого сумасшедшего, когда придет время отвечать.

— По рукам, спрашивай, — кивнул Юй Цзыи. Наживка сработала безупречно.

Раз уж пришлось пострадать, Хуа Тянь решил не упускать инициативу. Забыв о боли в ноге, он выпалил:

— Тогда начни с самого начала. Что произошло в поместье накануне твоего отъезда в столицу на экзамены?

Хуа Тянь прекрасно понимал: у любого следствия есть причина. Вся эта жуткая история закрутилась именно в ту злополучную ночь три года назад. Разгадав тайну того вечера, они наверняка поймут, зачем Юй Цзыи понадобилось собирать чужие души.

При упоминании той ночи лицо Юй Цзыи исказила ярость. Он до побелевших костяшек сжал чашку, борясь с накатившим приступом безумия. Спустя пару минут тяжелого молчания он глухо заговорил:

— В тот вечер мы поссорились с Сюй Байли. Я был вне себя от обиды и злости, поэтому ушел

из дома и заперся в кабаке. Пил один, беспробудно, до самой полуночи. Кто же знал, что за эти несколько часов Ма Юэ успеет привести разбойников с горы Шэрао в наше поместье? Они вырезали всю мою семью до единого человека... А Байли просто уволокли с собой.

Каждое слово давалось ему с невероятным трудом. Эта трагедия тысячи раз прокручивалась в его голове, превратившись со временем в выжженную пустыню, от которой остались лишь эти сухие, безжизненные обрывки воспоминаний.

«Значит, Сюй Байли жив!»

Это наконец объясняло нестыковки в рассказе лодочника, но на смену одной загадке тут же пришла другая.

В целом рассказанное Юй Цзыи мало отличалось от городских слухов, кроме одной важной детали.

— Погоди, — прищурился Хуа Тянь. — Почему ты говоришь «уволокли»? Какие отношения связывали Ма Юэ и Сюй Байли? И за какие грехи этот мерзавец так возненавидел вашу семью, что вырезал больше сотни ни в чем не повинных людей?

<http://bllate.org/book/18412/1796480>